

Заиченко Ольга Викторовна

Старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН, Москва
8(985)928 88 54
o.v.zaichenko@gmail.com

**«Петербургский нарратив» в немецком консервативном дискурсе в период
Реставрации**

На основе анализа немецкой литературы 30 – 40-х гг. XIX в. автор рассматривает процесс формирования «Петербургского нарратива» в контексте консервативного дискурса о России как амбивалентный конструкт, основанный, на личных впечатлениях очевидцев, с одной стороны, и на политических мифах и идеологемах – с другой.

Analyzing German literature of the thirties-forties of the 19th century, the author examines the process of formation of “Petersburg narrative” in the context of conservative discourse on Russia as an ambivalent construct based on personal impressions of eyewitnesses, on the one hand, and on political myths and ideologies on the other.

Ключевые слова: Россия, Германия, Петербург, император, миф, либералы, консерваторы.
Keywords: Russia, Germany, St. Petersburg, emperor, myth, liberals, conservators

В Германском союзе феномен периода Реставрации, начало которому положили Карлсбадские постановления 1819 г., проявился, прежде всего, в идеологическом противостоянии либерализма и абсолютизма, выразившимся в политическом дискурсе 30 – 40-х гг. о будущем развитии Германии. Ключевыми моментами в многочисленных дискуссиях немецких интеллектуалов в этот период стали, с одной стороны, такие понятия как «нация», «конституция», «свобода» и «революция», с другой стороны - «монархия», «легитимность», «стабильность» и «революционный хаос».

В этот временной промежуток общественный интерес к Российской империи, казавшейся воплощением незыблемости монархического строя, «островом стабильности» - для консерваторов, и главным очагом политической реакции в Европе – для либералов, достигает своего апогея. Образ России как страны, по мнению обеих противоборствующих партий, во многом определявшей внутреннюю и внешнюю политику германских княжеств, стал важной частью обострившихся политических дискуссий. Именно тогда основные детерминанты восприятия России получили свое окончательное оформление, заняв важное место в идеологии, как правящих классов, так и оппозиционных слоев немецкого общества.

Одной из главных репрезентаций Российской империи в политических дискуссиях был Петербург. Немецкие авторы часто использовали образ столицы как символ абсолютистского военно-монархического государства, способного противостоять «хаосу европейской революции», и как наиболее наглядный пример воплощения личной воли российских самодержцев, начиная с Петра Великого. Именно образ Санкт-Петербурга как резиденции, тесно связанной с правящей династией, занимал второе после фигуры императора место по значимости и частоте упоминаний в литературе при формировании восприятия России у немецких читателей.

И это не удивительно. Из-за незнания языка, сурового климата, огромных расстояний и отсутствия хороших дорог длительные путешествия по стране для большинства европейцев были довольно затруднительными. В основном они проводили время в старой и новой столицах, отдавая предпочтение Петербургу. Почти все иностранные путешественники начинали и завершали свои поездки в Россию в этом городе, ставшем морскими воротами континентальной империи. Будучи принятыми при дворе, многие из немецких аристократов его и вовсе не покидали. Поэтому для многих авторов Петербург стал единственным местом, по которому они могли судить о стране. Неудивительно, что образ России в значительной степени сливался с изображением Санкт-Петербурга.

Доказательством популярности темы российской столицы в немецкой литературе первой половины XIX в. является довольно большой массив сочинений иностранных авторов о России с многообразными описаниями Санкт-Петербурга, собранный в коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки. Помимо художественных произведений и политической публицистики, это - предназначенные для массового читателя путевые зарисовки и мемуары уроженцев Германии, посетивших Россию в эпоху царствований Александра и Николая I.

Большая часть авторов этих сочинений принадлежала к германской элите, прежде всего, к прусской аристократии. Это были государственные сановники и дипломаты, военные и писатели. Кроме того, к числу авторов можно отнести так называемых «профессионалов»: врачей, художников, издателей, юристов, а также актеров, чья успешная карьера в России была связана с популярным у столичной публики Петербургским немецким театром.

Так как литература, посвященная России, создавалась во времена жесткого противостояния либеральной и консервативной идеологий, эти сочинения во многом несли на себе отпечаток политической борьбы. Большинство этих текстов было написано как полемический отклик на уже существующие сочинения. Так, например, огромное количество консервативных авторов взяли за перо после публикации «России в 1839 г.» де Кюстина

[6]. С другой стороны, такую же волну, но уже антирусских сочинений либеральных авторов, вызвала написанная в тот же год с прорусских позиций «Европейская пентархия» Карла Гольдмана [1]. В целом, с 30-х гг. в общественном мнении Германии начала преобладать негативная оценка России, получившая распространение благодаря критическим публикациям либеральных авторов. Поэтому значительная часть сочинений консерваторов была написана с одной целью – противопоставить правдивую, с точки зрения их создателей, информацию господствующим в публицистике предрассудкам относительно России. Именно путевые заметки консервативных путешественников, содержавшие личные наблюдения авторов, имели наибольшее значение для формирования положительного образа России и, в частности, нарратива о Петербурге. На этом виде источников мы остановимся более подробно.

Главной и наиболее популярной темой создававшегося в консервативной литературе «Петербургского нарратива» была европеизация России, связанная с деятельностью Петра I. Практически сразу она трансформировалась в дискуссию с либералами на тему: что же есть Петербург по своей сути? Является ли он «Новым Римом», построенным на основе греко-римского наследия, то есть столицей европейской империи, или это всего лишь имитация, декоративный фасад, за которым скрывается азиатская деспотия? Или как изящно сформулировал свою компромиссную позицию прусский историк Иоганн Шпоршиль: «Бесспорно Петербург – это Рим, но Рим который давно захватили варвары»[10, S. 184].

Но, тем не менее, для большинства приезжающих иностранцев Петербург был воплощением торжества Петровских реформ, давших начало новой «цивилизованной» истории страны. Чтобы подчеркнуть масштаб личности Петра, как «петербургского Энея», в немецкой, прежде всего, консервативной литературе было принято сравнивать его с Цезарем или Карлом Великим, ставя в один ряд с величайшими деятелями европейской истории. Но тут многие авторы пошли еще дальше, подчеркивая, что если Цезарь в своей деятельности использовал достижения античной эпохи, а Карл Великий – европейские культурные традиции, Петр I вопреки всем существовавшим условиям и состоянию собственного народа, опирался исключительно на свою волю и полноту личной власти. Возникло даже клише, приравнивающее русского царя, по сути, к Высшему создателю всего сущего. Как писал вюртембергский генерал Карл фон Бисмарк: «Из хаоса, из ничего Петр создал новый мир»[4, S.189]. Таким образом, в немецкой консервативной историографии в период Реставрации конструируется эпический миф о самодержце – просветителе, который, будучи единственным носителем прогресса, насаждает своей единоличной волей основы европейской цивилизации в полудикой азиатской стране. Культ Петра как императора-преобразователя определил особенности создававшегося в европейской литературе

«петербургского нарратива», включавшего в себя помимо темы европеизации России идею абсолютной власти, как единственной носительницы божественного порядка, побеждающей «хаос», т.е. природную и человеческую стихии, что было особенно актуально в свете роста революционных настроений в Европе в этот период.

Петербург воспринимался европейскими авторами как олицетворение воли самодержца и беспрекословного подчинения ей не только людей, но и природы. Обстоятельства основания столицы Петром I в кратчайшие сроки среди непроходимых болот ценою жизней сотен тысяч его подданных стали частью петербургского нарратива, приобретая временами эпический, сверхъестественный характер, где такие иррациональные понятия как «чудесная воля одного человека», «проведение» и «волшебство», соседствовали с реалистическим описанием ужасных условий существования строителей города. Роль символического воплощения трансформации дикого края в разумно организованное пространство по воле просвещенного самодержца в немецкой литературе выполнял конный монумент Петру Этьена Фальконе на Сенатской площади, запечатлевший императора в образе преобразователя варварства, вознесенного над дикой скалой. Этот же памятник для многих консервативных авторов стал символом преемственности последующих царствований, когда каждый новый монарх, начиная с Екатерины II, рассматривался как наследник и продолжатель дела Петра, который, опираясь на неограниченную власть, устанавливает европейский порядок среди хаоса и варварства, воплощенного как в дикой природе, так и в национальном характере народа[8, S.153ff]. И с каждым новым царствованием героический миф о противостоянии воли и хаоса, фоном для которого служил Петербург, возрождался вновь. Так, например, частью «петербургского нарратива» была распространенная точка зрения, что искусственный город, «не имеющий корней ни в истории, ни в почве», не только возник, но и продолжает существовать исключительно благодаря воле русских самодержцев[6, Bd.I, S.146], которая одна сверхъестественным образом может противостоять природным стихиям, прежде всего, бурям и наводнениям. В первой половине 19 в. все еще было памятно знаменитое предсказание 1720 г. о наводнении, которое смоеет Петербург с лица земли и на его месте вновь воцарится первозданный хаос. Поэтому неудивительно, что из сочинения в сочинение передавался миф о том, что только молитва, покаяние и личная жертва Александра I спасли город от полного разрушения во время страшного наводнения 1824 г.[3, Bd.1, S. 182ff.].

Тема наводнений вообще была мистическим образом связана с судьбами царствующих монархов, прежде всего, Екатерины II и Александра, бабушки и внука, по общему мнению повинных в царубийствах. Большое наводнение 1777 г. в немецкой литературе описывалось как Божья кара за грехи Екатерины, обвиняемой в убийстве мужа и

узурпации престола, а наводнение 1824 г., которое современники сравнивали с апокалипсисом, воспринималось как «Господнее наказание» лично Александру I, повинному в убийстве отца. Более того, существовало поверье, задним числом пересказываемое многими немецкими авторами, что император Александр, родившийся в злополучном 1777 г., через три месяца после самого грандиозного наводнения в Петербурге, должен будет умереть после следующего «вселенского потопа», поэтому наводнение 1824 г. рассматривалось также как предзнаменование новых стихийных катастроф, грозящих в ближайшем будущем как городу, так и всему императорскому дому[5, Bd.I, S.201]. Неудивительно, что декабрьское восстание на Сенатской площади 1825 г. воспринималось современниками как часть пророчества, как проявление нарастающей угрозы «вселенского хаоса», которому опять противостояла воля императора, на этот раз Николая I[7, Bd.I. S.10–17].

Надо сказать, что в первой половине XIX в. «вселенский хаос» не был простой фигурой речи. Для многих консерваторов хаос был связан с революцией и служил метафорой для описания грядущих революционных потрясений. Видя слабость собственных правящих домов, немецкое юнкерство возлагало последние надежды на страну, которую либералы не без оснований считали главным врагом революционных преобразований в Европе, и на самодержца, который был готов в случае революции преградить ей путь силой оружия. После Июльских волнений 1830 г. в общественном мнении Германии фигуре Николая I отводилась роль некоего демиурга – всемогущего и непримиримого борца с революционными силами, ставшего «злым гением» для либералов, и «носителем божественной миссии» для консерваторов. Неудивительно, что в 30-е гг. тема непреклонной воли императора и беспрекословного подчинения ей, как лейтмотив «петербургского нарратива», обрела новое звучание. Тем более что царствование Николая I с самого начала давало для этого немало поводов. Помимо подавления восстания на Сенатской площади, отметившего вступление Николая на престол, в немецкой литературе был очень популярен также сюжет, связанный с холерным бунтом в Петербурге во время эпидемии 1831 г.[2, S.38; 8, S.134]. Согласно легенде, тогда Николай в одиночку выходил к обезумевшей толпе и одной только силой своей воли приводил подданных к полному послушанию.

Но поводом для современников поставить Николая в один ряд с Петром I как носителя абсолютной власти, единственно способной противостоять разрушительной стихии, стал беспрецедентный по степени разрушения пожар в Зимнем дворце в декабре 1837 г., который не могли потушить в течение трех дней. В результате полностью выгорели второй и третий этажи императорской резиденции. Николай не только руководил тушением пожара, но по его приказу огромный дворец был полностью восстановлен почти в том же

самом виде за невероятно короткое время – уже к лету 1839 г., что воспринималось современниками как очередное чудо, осуществленное по воле императора. Консерваторы видели в этом факте еще одно подтверждение эффективности монархической формы правления и ее преимущества над парламентско-конституционной системой, за которую выступали либералы. Только неограниченная ничем воля русского самодержца была способна завершить это, казалось бы, невозможное дело в течение одного года. Как писал бременский юрист Иоганн Коль: «В то время как мы уже три года спорим о том, как перестроить театральную залу, Николай за один год поднял из руин величайший дворец мира»[9, Bd.1, S.180]. Это событие дало основание современникам увидеть в Николае репрезентацию Петра, замкнув тем самым цепь преемственности между прадедом-основателем города и правнуком-завершителем его строительства.

Литература

1. (Anonym) Die europäische Pentarchie. Leipzig: O. Wigand Verl., 1839. 442 S.
2. (Anonym.) Die Preußen als Gäste zu St. Petersburg im Jahre 1834. Liegnitz: Aderholz Verl., 1835. 158 S.
3. Bartold F. W. Alexander Kaiser von Russland. 2 Bde. Leipzig: Bjorkmann Verl., 1829.
4. Bismark F.W. v. Die kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe: Creuzbauer, 1836. 265 S.
5. Brandt H. von. Aus dem Leben des Generals der Infanterie z. D. Dr. Heinrich von Brandt. 3 Bde. Berlin: Verl. Von Alexander Duncker, 1858.
6. Custine A. Russland im Jahre 1839. Bde. 1 – 4. Leipzig: Theodor Thomas Verl., 1847
7. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs./Hrsg. Von seiner Tochter Agnes von Gerlach. 2 Bde. Berlin: Hertz Verl., 1891/92.
8. Jerrmann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin: Allgemeine Deutsche Verlags-Anstalt, 1852. 282 S.
9. Kohl J.G. Petersburg in Bildern und Skizzen. 2 Bde. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchh., 1841.
10. Schporschil J. Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig: Verl. V. I. Jakowitz, 1839. 248 S.